

АНАТОЛИЙ КЛЕПОВ

Чашка шоколада с Габриэлем Маркесом

Анатолий Клепов

**Чашка шоколада с
Габриэлем Маркесом**

«Автор»

2026

Клепов А.

Чашка шоколада с Габриэлем Маркесом / А. Клепов — «Автор»,
2026

Габриэль Гарсиа Маркес предложил инженеру-криптографу написать книгу о шоколаде. Почему именно ему — и почему о шоколаде? В Боготе Анатолий Клепов занимался вопросами защищённой связи. Но встречи с великим писателем положили начало другой работе — книгам о кибер технологиях, власти и свободе человека. Книга «Чашка шоколада с Габриэлем Маркесом» — воспоминания о разговоре, последствия которого раскрывались годами. История шоколада иезуитов неожиданно сближается с разведкой и шифрованием, а профессиональный опыт заставляет автора поставить неудобный вопрос: достаточно ли защитить переписку, чтобы остаться свободным? Эта книга — личное свидетельство и предупреждение. Технологии способны защищать нас, но могут служить и тем, кто стремится нами управлять. Как не стать информационным рабом — человеком, которого приучили принимать чужую волю за собственный выбор?

© Клепов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Почему именно шоколад?	5
Глава 1. Я приехал по другому делу	7
Глава 2. Изумруд	10
Глава 3. Человек по другую сторону стола	12
Глава 4. Чашка отца Никанора	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анатолий Клепов

Чашка шоколада с Габриэлем Маркесом

Пролог. Почему именно шоколад?

Некоторые книги остаются с нами надолго, хотя мы не сразу понимаем почему. «Сто лет одиночества» я прочёл с восхищением, не предполагая, что однажды задам его автору вопрос — и буду возвращаться к этому разговору много лет.

Вопрос возник из небольшой подробности.

Отец Никанор выпивает чашку шоколада и поднимается над землёй на несколько дюймов. У Маркеса чудесное существует рядом с повседневным, и читатель постепенно перестаёт удивляться невозможному. При первом чтении я тоже принял этот эпизод без возражений. Позднее меня заинтересовало не само чудо, а то, что ему предшествовало.

Почему именно шоколад?

Почему не кофе, не вино, не вода? Возможно, напиток был всего лишь привычной деталью, благодаря которой невероятное выглядело обыденным. Возможно, выбор имел другое значение. Мне хотелось спросить об этом человека, написавшего роман.

В моём любопытстве была и профессиональная привычка.

Я занимался криптографией, создавал средства защищённой связи. Внешний вид устройства далеко не всегда раскрывал его назначение. Прибор, похожий на обычный калькулятор, мог выполнять работу, о которой посторонний не догадывался. Поэтому за знакомой вещью я привык видеть вопросы: как она устроена, что позволяет сделать и для кого предназначена.

Разумеется, роман — не техническое описание, а литературное чудо не обязано подчиняться инструкции. Но чашка шоколада уже привлекла моё внимание.

Через несколько лет работа привела меня в Боготу. Там я встретился с Габриэлем Гарсиа Маркесом и получил возможность задать свой вопрос.

Я приехал не за сюжетом будущей книги. У меня были профессиональные задачи, к которым я возвращался после наших встреч. Однако разговор о напитке затронул то, что занимало меня и в собственной работе: значение знания, возможности человека и выбор цели, ради которой он ими пользуется.

Не всё это я понял тогда. Некоторые связи увидел позднее, перечитывая Маркеса и разбирая собранные материалы. Мне важно различать то, что я услышал в Боготе, и то, к чему пришёл сам.

После возвращения вопрос не исчез. Время от времени я откладывал поиски, затем снова брался за них. Меня интересовали история какао, способы приготовления напитка, люди, передававшие знания из страны в страну. Одни догадки выдерживали проверку, от других приходилось отказываться.

Постепенно менялся и сам вопрос. Теперь мне хотелось понять не только, почему писатель выбрал шоколад. Меня занимало, что происходит со знанием, когда оно переходит из одних рук в другие. То, что даёт преимущество одному, может сделать другого зависимым. Средство защиты ещё не определяет, кому и ради чего оно послужит.

Этого не объяснить одной формулой.

За двадцать пять лет из поисков и собственного опыта выросла книга «Шпионаж. Шифраторы и шоколад». В её сюжете две женщины по-разному распоряжаются одним секретом. Криптограф Клепов, которому я передал часть своего профессионального опыта, помогает Раймонде в её борьбе. Но история их решений заслуживает отдельного рассказа.

Здесь я хочу вернуться к началу: к встречам с Маркесом, к вопросам, которые увёз из Боготы, и к тому, как они стали моим делом.

Я не считаю собственную книгу разгадкой его романа. Чужое произведение может помочь увидеть задачу, но отвечать за своё решение приходится самому.

Всё началось для меня с чашки шоколада. Точнее, с недоумения перед подробностью, которую можно было прочесть и забыть.

В Боготу я приехал по работе. С этого и начну.

Глава 1. Я приехал по другому делу

В Боготу я приехал по работе. Шоколад меня тогда не занимал, а об изумрудах я знал главным образом то, что в Колумбии их покупают дешевле, чем в Европе. Последнее знание впоследствии оказалось менее полезным, чем я рассчитывал.

Мне предстояло передать заказчику несколько приборов защищённой связи и обучить людей ими пользоваться. Со стороны такая работа может показаться несложной: если устройство исправно, остаётся показать, на какие кнопки нажимать. За годы службы я убедился, что именно с этого места обычно и начинаются затруднения.

Моя специальность в МИЭМ была связана с производством микросхем. Позднее я работал с предприятиями Министерства электронной промышленности СССР по линии КГБ. Мне приходилось заниматься и криптографией, и компонентами, без которых разработанный прибор так и остался бы на бумаге. Это была хорошая школа: она приучала различать то, что можно рассчитать, и то, что удастся изготовить.

К моменту поездки наши разработки получили зарубежные экспертные оценки. В апреле 1996 года Южноафриканское агентство безопасности связи признало алгоритм TDEP компании «Анкор» пригодным для передачи секретной информации. Месяцем раньше профессор Королевского технологического института в Стокгольме Йохан Хостада дал заключение по алгоритму LION. При оговорённом выборе параметров он не видел практически осуществимого способа вскрыть систему; время необходимых вычислений сопоставлялось с возрастом Вселенной.

Я имел основания быть доволен этими заключениями. Однако человеку, который будет пользоваться аппаратурой, следовало ещё объяснить, как не испортить достигнутый результат гораздо быстрее.

Колумбия много лет жила в условиях вооружённого конфликта. Приезжий замечал его прежде всего по охране, проверкам и предостережениям. В новостях говорили о похищениях. Люди, сопровождавшие меня, обсуждали безопасность деловым тоном, словно речь шла о расписании транспорта, которое необходимо знать, чтобы не опоздать.

Я не считал себя знатоком страны и не собирался им становиться за несколько дней. Но мне было понятно, зачем здесь нужна моя аппаратура. Если противник узнаёт содержание приказа одновременно с тем, кому приказ отдан, последствия могут оказаться неприятными для обеих сторон разговора.

Приборы я привёз разные. Одни предназначались для радиосвязи, другие подключались к телефонной сети. Были программные средства, позволявшие шифровать сообщения на уже имевшейся вычислительной технике.

Особенно неприметно выглядел прибор на основе американского программируемого калькулятора. Небольшой корпус, клавиши, цифровое табло. Такой предмет не обещал ничего интересного человеку, который не собирался производить вычисления. Для нас это было достоинством.

Меня принял генерал, отвечавший за техническую службу. Он был невысок, плотен и держался с той сдержанностью, которую позволяют себе люди, не сомневающиеся, что их распоряжения будут исполнены. Его интересовало не столько устройство приборов, сколько возможность ими пользоваться. Для человека в его положении это был разумный подход.

Мы разложили аппаратуру на длинном столе. Шторы в комнате были закрыты, и после некоторого времени я перестал замечать, светло ли ещё на улице.

Я объяснял назначение каждой системы, порядок работы с ключами, действия при сбое. Генерал слушал, не перебивая. Когда я закончил, он спросил, сколько человек потребуется

обучить, что произойдёт при отказе питания и как поступать, если прибор окажется у противника.

Это были хорошие вопросы. Они касались не того, что аппаратура должна делать при благоприятных обстоятельствах, а того, что останется от её достоинств при неблагоприятных.

Я отвечал настолько точно, насколько мог. Шифрование защищало содержание, но не обязательно скрывало саму передачу. Надёжность алгоритма не избавляла от необходимости беречь ключ. Мне не хотелось, чтобы заказчик обнаружил эти различия без моего участия.

Затем за стол сел молодой офицер, которому, по-видимому, предстояло работать с приборами. Он повторял мои действия, проговаривая каждый шаг и проверяя результат на табло.

Я следил за его руками.

В демонстрации, которую проводит разработчик, есть одно неудобство: он слишком хорошо знает свою аппаратуру. Даже ошибка не смущает его, поскольку он уже понимает, как её исправить. Гораздо полезнее посмотреть на человека, который видит устройство впервые.

Офицер работал внимательно. Я не торопил его. Последовательность нажатий сама по себе не была секретом, обеспечивавшим стойкость системы, но небрежность при обращении с ключом могла сделать бессмысленными весьма сложные расчёты.

Когда он закончил, я убедился, что объяснения были поняты.

В такие минуты я испытывал удовлетворение, которое трудно передать человеку другой профессии. Прибор уже прошёл испытания, но только теперь становилось видно, как он будет служить тому, для кого предназначен. Мне нравилось, что результат можно проверить. В этой части моей работы было меньше места для толкований, чем во многих других человеческих занятиях.

Установка и обучение заняли несколько дней. Мы проверяли оборудование в помещении, в машине, на телефонной линии. Оно работало в соответствии с оговорёнными возможностями.

Пока продолжались испытания, я понемногу знакомился с Боготой. Поездки складывались в довольно отрывочное представление о городе: старые дома в центре, дороги на север, высокие ограды, охраняемые въезды. Я видел достаточно, чтобы заметить различия, и недостаточно, чтобы их объяснить.

Мои спутники рассказывали, куда не следует ходить вечером и почему не стоит садиться в первую попавшуюся машину. Они советовали не принимать форму незнакомого человека за достаточное доказательство его полномочий.

Я слушал с вниманием, которого несколькими часами раньше требовал от офицера. В городе наши роли менялись. Здесь мне давали инструкции, и я не имел оснований считать себя умнее тех, кто их составлял.

Особенно хорошо запоминались простые советы. Они не требовали знания колумбийской истории, зато предполагали, что человек способен отказаться от случайно возникшего желания. Как выяснилось позднее, последнее удаётся не всегда.

В конце работы я спросил генерала, доволен ли он.

— Доволен. Но этого мало.

Я ожидал продолжения, однако его не последовало.

Оборудование действовало, люди были обучены. Мне казалось, что свою часть задачи я выполнил. Возможно, генерал говорил о других потребностях службы; возможно, имел в виду нечто, о чём я ничего не знал. Я не стал уточнять.

Впоследствии я не раз вспоминал его ответ. С годами короткие чужие замечания иногда приобретают смысл, которого собеседник вовсе не намеревался в них вкладывать. Мне хотелось видеть в этих словах напоминание: иметь средство и добиться цели — не одно и то же. Но это было моё толкование. Генерал не объяснил, чего ему не доставало.

Рабочие встречи закончились. У меня оставался свободный день.

Я решил купить изумруд. После нескольких дней, проведённых среди приборов, проводов и инструкций, это представлялось безобидным развлечением.

Так я попал в Ла-Канделарию и остановился перед дверью под аркой.

К тому времени мне уже объяснили, что в Боготе следует быть осторожным. Я вполне разделял это мнение. Просто не увидел причины применить его к данной двери.

Глава 2. Изумруд

Мысль купить изумруд для кольца возникла за ужином, в один из первых вечеров в Боготе. Мне объяснили, что здесь камень можно приобрести значительно дешевле, чем в Европе, особенно если покупать не в магазине, а у торговца, которого кто-нибудь порекомендует. Один из тех, с кем я работал, назвал такого человека и дал его адрес.

Я записал адрес в блокнот. Рекомендация показалась мне достаточной, хотя о камнях я не знал почти ничего.

В свободный день я отправился за покупкой.

Контора находилась в Ла-Канделарии, в старом квартале в центре города. О нём мне уже говорили, в том числе предупреждали, что вечером там следует быть осторожным. Адрес я записал точно; время для посещения выбрал гораздо менее удачно. Когда я сел в такси, уже темнело.

Ехали недолго. Улицы становились уже. Невысокие дома стояли вплотную друг к другу; в сумерках трудно было различить, в какие цвета они выкрашены. Почти везде окна были закрыты ставнями. Там, где пробивался свет, он лишь подчёркивал темноту соседних фасадов.

Водитель остановился, показал на дом и назвал номер. Я вышел. Машина уехала, прежде чем я нашёл дверь.

Она находилась под аркой, в глубине проёма, в нескольких шагах от тротуара. Вместо кнопки звонка висел шнур с колокольчиком. Я подошёл, взялся за него и услышал бегущие шаги.

Двое мужчин направлялись ко мне.

Первый был ниже ростом и бежал быстрее. На нём была грязная одежда, а в опущенной руке он держал какой-то длинный предмет. Что это за предмет, я понял, когда он остановился передо мной.

Нож был большой, с широким кухонным лезвием.

Человек что-то говорил — быстро, негромко, почти шёпотом. Я не разобрал ни слова. Он стоял так близко, что я не мог отвести взгляд от его руки.

Я продолжал держаться за шнур. В другой руке был портфель, который мне почему-то не хотелось бросать. Ещё я подумал, что кричать бесполезно: окна закрыты. Насколько верным было это соображение, я не знаю. В ту минуту оно казалось несомненным.

Сколько мы так простояли, я не могу сказать.

За моей спиной распахнулась дверь. Два ротвейлера с рычанием рванулись мимо меня; один задел меня, а затем сбил человека с ножом.

Дальнейшее я помню отрывочно. В арке гулко отдавалось рычание. Второй мужчина убежал, не пытаясь помочь первому. Тот поднялся и стал отступать вдоль стены, прижимая руку к боку. Нож остался на камнях.

Я не двигался. Не зная, чьи это собаки, я ещё не был уверен, что опасность для меня миновала.

В дверях стоял хозяин с поводками в руках. Он говорил с собаками ровным, негромким голосом, и они постепенно успокаивались. Затем посмотрел на меня.

— Заходите.

Я вошёл и поблагодарил его. Он задвинул засов.

— Не за что.

Контора была тесной. Сейфы занимали значительную часть помещения; на столе стояли весы и лампа под зелёным абажуром. Я назвал человека, который меня прислал. Хозяин предложил сесть и не стал расспрашивать о случившемся.

По его поведению нельзя было понять, считал ли он происшествие необычным. Для меня вечер во всяком случае перестал быть обычным.

Пока он занимался своими делами, я попытался вспомнить лицо нападавшего и обнаружил, что не могу. Человек стоял в полуметре от меня, но я не запомнил ни его глаз, ни возраста. Остались худоба, грязная одежда и нож.

До этого мне казалось, что событие, в котором тебе угрожает опасность, должно запоминаться особенно ясно. Теперь выяснилось, что по крайней мере со мной произошло иначе. Позднее, слушая чужие рассказы о подобных случаях, я вспоминал, насколько неполным оказался мой собственный.

Хозяин тем временем достал камни.

Он высыпал их на мягкую ткань и разложил передо мной. Я различал цвет и размер, но этого, как вскоре стало понятно, было недостаточно. Он поворачивал камни к лампе, показывал включения, объяснял разницу в оттенках и чистоте. Я слушал внимательно. Приятно было заниматься предметом, который не представлял непосредственной угрозы.

Из трёх предложенных изумрудов я выбрал не самый крупный — тот, что был меньше и темнее. Никакого суждения о его качестве за этим выбором не стояло. Он мне понравился.

Торговаться я не стал. Для этого пришлось бы хотя бы приблизительно понимать, сколько стоит покупка. Оставалось положиться на рекомендацию знакомого и на торговца, которому я уже был обязан больше, чем рассчитывал при знакомстве.

Когда дело было закончено, хозяин попросил меня не выходить.

— Посидите. Я сначала выпущу собак.

Я остался ещё примерно на полчаса. Теперь, когда рассматривать было нечего, стал слышен гул лампы.

Такси вызвал хозяин. Обратно я ехал той же дорогой и впервые подумал о странной последовательности вечера. Совсем недавно передо мной стоял человек с ножом, а вскоре после этого я уже выбирал оттенок зелёного. Страх не исчез, но оказалось, что он не мешает желанию довести покупку до конца.

Возможно, именно обычность происходящего в конторе помогла мне прийти в себя. Хозяин занимался своим делом, и я последовал его примеру.

Кольцо я потом сделал. Оно хранится у меня до сих пор.

Камень, как я узнал позднее, не отличается высоким качеством. Пожалуй, трудно было ожидать иного от покупки, в которой я проявил столько настойчивости и так мало знания.

На следующее утро я рассказал о случившемся одному из тех, с кем работал. Он выслушал, помолчал и спросил:

— В котором часу это было?

Я ответил.

— Вам повезло.

С этим я был согласен.

Он немного подумал и сказал, что мне стоит рассказать о вечере одному человеку: тот пишет о подобных вещах и, вероятно, найдёт историю интересной.

Я спросил, кого он имеет в виду.

Он назвал Габриэля Гарсиа Маркеса.

До той минуты я знал его только как читатель.

Глава 3. Человек по другую сторону стола

Познакомил нас Мануэль — тот самый коллега, которому я рассказал о покупке изумруда. Он знал многих и умел договариваться о встречах. Я не придавал этому особого значения, пока однажды он не позвонил и не сказал, что Гарсиа Маркес согласен со мной поговорить.

— О чём мне с ним говорить? — спросил я.

Мануэль засмеялся.

— Отвечайте на вопросы.

Совет был разумный, но не слишком успокоительный. О своей работе я мог говорить без подготовки. Почему она должна заинтересовать человека, чьи книги читали во всём мире, мне было неясно.

Мы встретились днём в редакции, где Маркес тогда бывал. Нас проводили на второй этаж и усадили в углу комнаты, в которую выходили двери нескольких кабинетов. Сотрудники проходили с бумагами, звонили телефоны. Здесь работали, и это несколько облегчало моё положение. Деловая обстановка была мне привычнее литературной встречи.

Маркес оказался ниже ростом, чем я представлял. Плотный, с прямой спиной, седыми вьющимися волосами и усами. Под тёмными густыми бровями лицо выглядело внимательным. Он говорил негромко и не торопился.

Нам принесли кофе.

Моего испанского хватало для обсуждения аппаратуры, сроков и порядка связи. В таких разговорах круг возможных вопросов был ограничен, что значительно облегчало владение языком. Здесь я этого преимущества лишился.

Маркес заметил затруднения и стал говорить короткими фразами. Если я не понимал, он повторял иначе, иногда прибегая к английскому слову. Делал он это без той услужливости, которая заставляет иностранца ещё острее чувствовать свою беспомощность. Вскоре я перестал опасаться каждой ошибки.

Я сказал, что читал «Сто лет одиночества» и что в моей стране его хорошо знают.

Он ответил, что слышит подобное в разных странах, и спросил, чем я занимаюсь.

Говорить о своей работе оказалось гораздо легче, чем объяснять ему достоинства его романа.

Я рассказал об аппаратуре защищённой связи.

— Два человека разговаривают, — пояснил я. — Третий может перехватить разговор. Наша задача — сделать так, чтобы он не понял содержания.

— А третий всегда есть?

— Мы должны учитывать такую возможность. Защиту нельзя строить в расчёте на то, что никто не станет слушать.

Теперь, если мне не хватало слова, я находил другое. Я знал предмет и уже не беспокоился о том, достаточно ли интересен мой ответ.

Маркес спрашивал не столько об устройстве приборов, сколько о людях, которым они нужны. Я объяснил, что желание сохранить разговор в тайне не обязательно связано с дурным поступком. Можно доверить сведения одному человеку и не хотеть, чтобы о них знали остальные.

Для меня это было обычным основанием работы. Его вопросы заставляли проговаривать то, что среди коллег не требовало объяснений.

Затем мы вернулись к истории с изумрудом.

Я рассказал о вечерней улице, человеке с ножом и собаках. О том, как после всего случившегося сидел под зелёной лампой и выбирал камень.

В редакции история выглядела иначе, чем накануне. Опасность осталась позади, и я уже мог заметить обстоятельства, не слишком лестные для собственной рассудительности. Получив адрес, я почему-то решил, что располагаю всем необходимым для покупки.

Маркес коротко рассмеялся и покачал головой. По его словам, местный житель не отправился бы туда в такой час.

Он не стал меня поучать. Я и без того понимал, что проявил не столько храбрость, сколько неосведомлённость.

Маркес рассказал об обеспеченных семьях, переехавших из центра на север города. Там тоже опасались похищений. Те, кто мог себе это позволить, нанимали охрану и пользовались бронированными автомобилями.

Я спросил, как передвигается он сам.

Он ответил, что ездит с охраной и поездки приходится планировать заранее. Расспрашивать о подробностях мне показалось неуместным.

Тогда я воспринял это как необходимую предосторожность. Лишь позднее задумался, насколько ограниченной могла оказаться повседневная жизнь человека, которому были открыты двери во всём мире. Я не знаю, тяготило ли его это. Он не жаловался.

К нам подошёл сотрудник с деловым вопросом. Маркес выслушал его, ответил и продолжил беседу.

Нас прерывали ещё несколько раз. Кто-то здоровался на ходу, кто-то останавливался. После каждого перерыва Маркес возвращался к тому, о чём мы говорили. Я перестал чувствовать себя посетителем, которому уделяют время из вежливости.

Постепенно речь зашла о его работе.

Он рассказывал о писательстве как о ремесле. Утром следует сесть за стол и работать, не дожидаясь настроения. В таком отношении к делу было нечто, что я понимал без труда. Удачному техническому решению тоже предшествовали попытки, проверки и отказы от того, что сначала казалось многообещающим.

Заказчик видел готовый прибор. Читатель получал законченную книгу. О затраченном труде ни тот ни другой не обязан был догадываться.

Особенно мне запомнилось то, что Маркес говорил о правдоподобию. Передаю не точные слова, а смысл, который тогда уловил: придумать необыкновенное событие недостаточно; нужно добиться, чтобы читатель его принял.

Я спросил, как это сделать.

Он заговорил о подробностях повседневной жизни. Люди покупают еду, считают деньги, платят долги, заботятся о доме. Их желания и тревоги должны быть понятны. Тогда читатель может поверить и в событие, которого никогда не встретит за пределами книги.

Мне было знакомо внимание к деталям, хотя сходство наших занятий на этом, пожалуй, заканчивалось. Я мог испытать устройство и проверить результат. Писателю приходилось рассчитывать на доверие незнакомого человека, который в любой момент имел право закрыть книгу.

Я вспомнил отца Никанора.

Прочитав, что священник выпил шоколад и поднялся над землёй, я не стал возражать. Продолжил читать. Законы природы мне были известны, но в тот момент хотелось узнать, что произойдёт дальше.

И всё же одна подробность не давала мне покоя.

— Почему именно шоколад?

Маркес заговорил об иезуитах, об их связи с европейской историей напитка и о тайне приготовления. В моём воспоминании сохранилось и упоминание зашифрованных записей.

Я не знал предмет достаточно хорошо, чтобы задавать точные исторические вопросы. То, что прозвучало в разговоре, предстояло ещё проверить. Но слова о шифровании сразу изменили характер моего любопытства.

До этого я слушал как читатель. Теперь речь коснулась моей профессии.

Зачем скрывать способ приготовления? Что именно потеряет владелец секрета, если им смогут воспользоваться другие?

Я привык иметь дело с описаниями, в которых несколько строк могли содержать результат долгой работы. Знать состав изделия — не всегда значит уметь его воспроизвести. Одинаковые детали ещё не дают одинакового прибора.

С напитком могло быть так же: важны не только ингредиенты, но и последовательность действий, температура, время обработки. Это была понятная мне задача. Однако понятность вопроса ещё не подтверждала правильности предположения.

Подробных ответов я в тот день не получил или не сохранил в памяти. Запомнилось направление: шоколад, способ приготовления, сведения, которые кому-то было важно защитить. Документы и сопоставления появились значительно позднее.

Маркес вновь спросил об аппаратуре: всегда ли ею пользуются те, у кого она есть.

Я ответил, что наличие прибора не гарантирует его применения. Нужно освоить порядок работы, соблюдать правила, отказаться от некоторых привычек.

— Средство можно дать, — сказал я. — Решение за человека оно не примет.

В моей практике это было достаточно обыкновенное наблюдение. Позднее я стал придавать ему более широкий смысл. Тогда же меня занимало, как объяснить работу устройств без самих устройств. Показать было бы проще.

В какой-то момент Маркес заговорил о том, что остаётся после человека. Точных слов я не восстановлю. Мне запомнилась мысль о необходимости сохранить пережитое и понятное: опыт не становится доступным другим только потому, что однажды был приобретён.

Здесь я почувствовал неловкость. О распорядке работы спрашивать было легко; разговор о времени и о том, что человек успеет оставить, требовал другого внимания.

Он не предлагал мне продолжать его дело и не поручал ничего записывать. Но я впервые отнёс услышанное и к себе.

До тех пор книги писали другие люди. Я создавал приборы и программы. Такое разделение представлялось вполне естественным, и я не видел причин его пересматривать.

Разговор продолжался около двух часов. К концу встречи я уже не искал вопроса, достойного знаменитого писателя. Спрашивал о том, чего не понимал, и слушал.

Мы расстались, а я продолжал мысленно возвращаться к беседе. Мне хотелось показать Маркесу аппаратуру. Хотелось разобраться в рассказе о шоколаде. Эти намерения ещё не составляли замысла книги.

Было бы неправдой сказать, что за один день я иначе взглянул на всю свою жизнь. Я по-прежнему собирался заниматься работой, ради которой приехал.

Но встреча прошла совсем не так, как я ожидал. Я опасался, что мне нечего будет рассказать Маркесу. Теперь меня больше занимало то, о чём я не успел его спросить.

Глава 4. Чашка отца Никанора

Дом Маркеса находился выше центра города, на склоне. Я приехал днём. Улица была узкой, мостовая неровной; стены домов давно нуждались в побелке.

Ворота открыла женщина лет пятидесяти в фартуке и провела меня через двор. Под деревом лежала собака. Она не подняла головы, и после недавних событий такое равнодушие показалось мне приятным.

В доме было прохладнее, чем на улице. Пахло книгами, воском и старым деревом. В комнате стояли светлые кресла с плетёными спинками, на полу лежал ковёр. Белые стены украшали раскрашенные деревянные изображения индейских лиц. Они выглядели старыми, но после покупки изумруда я уже осторожнее судил о вещах, в которых не разбирался.

Маркес вышел через несколько минут. Он был одет в белое. Мы поздоровались и сели.

После встречи в редакции я чувствовал себя свободнее, хотя мой испанский за это время не улучшился. О приборах я по-прежнему говорил увереннее, чем обо всём остальном. Маркес терпеливо ждал, когда я найду нужное слово, и не пытался закончить за меня фразу.

Он расспрашивал о работе, затем предложил шоколад.

Я согласился.

Он вышел; некоторое время я слышал разговор на кухне. Потом женщина принесла две высокие чашки. Напиток был тёмным и густым. На дне моей чашки находился мёд, который я размешивал ложкой.

Шоколад мало напоминал тот, к которому я привык. Я пил медленно, отчасти потому, что он был густым, отчасти потому, что не хотел обнаружить незнание какого-нибудь местного обычая.

В редакции мы обсуждали чашку отца Никанора. Теперь Маркес угощал меня шоколадом у себя дома. В этом было совпадение, которое я заметил, но не стал комментировать.

Он спросил, что я успел увидеть в Боготе, потом вернулся к аппаратуре. Его занимало, много ли известно о её возможностях и почему о такой работе сравнительно мало пишут.

Я объяснял, что в моей профессии возможность создать устройство и возможность рассказать о нём не всегда совпадают. Мне казалось, что ответ достаточно ясен. Однако Маркес продолжал расспрашивать, и я начал подозревать, что он имеет в виду не только служебные ограничения.

Он говорил о людях, которые располагают полезным средством, но не вполне понимают его значение. Я вспоминал пользователей, которым приходилось объяснять необходимость защиты. Маркес тем временем вернулся к шоколаду.

— Вы знаете, что такое шоколад?

Я ответил, что это напиток из какао.

Он тихо рассмеялся. Возразить против моего определения было трудно, но продолжить с его помощью разговор — тоже.

Маркес заговорил о европейской истории напитка, о монашеских орденах и спорах вокруг поста: считать ли шоколад пищей и когда его позволительно пить. После нашей первой встречи я особенно внимательно слушал всё, что касалось приготовления и сохранения рецептов.

Историю эту я знал плохо. Не всегда понимал, где он пересказывает прочитанное, а где предлагает собственное объяснение. Спрашивать приходилось часто. Иногда после ответа у меня оказывалось два вопроса вместо одного.

Затем он произнёс имя отца Никанора.

Я, разумеется, помнил священника из романа. Но дальше прозвучала история о мексиканском настоятеле XVI века, которого почитали святым и который, по рассказу, однажды поднялся над полом на глазах у нескольких человек.

Я не могу теперь уверенно восстановить, как именно Маркес связал эти сюжеты. Это сохранилось в памяти как часть беседы, а не как историческая справка, за точность которой я мог бы поручиться.

Его занимала одна подробность: что человек ел и пил в день приписываемого ему чуда.

Маркес взял книгу и раскрыл её. Он показывал записи о монастырской жизни — молитвах, занятиях, трапезе. Я следил за объяснениями, но прочесть и оценить источник за несколько минут не мог.

О шоколаде, по его словам, в записи не упоминалось.

Он спросил, что я об этом думаю.

Я предположил, что составитель мог не считать напиток достойным внимания.

Маркес предложил другую возможность: а что, если для тех, кто его готовил, шоколад был не просто пищей?

Вопрос мне понравился. Он позволял перейти от чуда, о котором я не умел судить, к способу приготовления, который хотя бы можно было исследовать.

Перечень ингредиентов ещё не объясняет, как получить результат. Важны порядок действий, температура, продолжительность обработки. Я знал это по собственной работе: одинаковые компоненты не гарантируют одинаковых возможностей устройства.

Маркес сравнил чашку с моими приборами. Обычный предмет может обладать свойствами, о которых посторонний не догадывается.

Сравнение было выразительным, хотя техническим объяснением не становилось. Шифратор не нарушал законов природы. Но Маркес и не проводил передо мной научный опыт. Мы сидели у него дома и разговаривали; я слушал с удовольствием и пытался понять, что из услышанного смогу проверить.

Позднее, возвращаясь к этому вечеру, я стал замечать, как настойчиво искал объяснение напитку и как мало думал о людях в романе.

Отец Никанор поднимался над землёй. Аурелиано Буэндия оставался на земле и вёл войны. Первому писатель позволил ненадолго преодолеть тяжесть собственного тела. Второго не избавил от последствий его решений.

Я не утверждаю, что Маркес предлагал читателю именно такое сопоставление. Оно возникло у меня значительно позже. Но через него вопрос о шоколаде начал соединяться с вопросом о свободе.

В моей работе некоторые препятствия имели вполне определённое решение. Разговор можно было защитить от постороннего прочтения. Надёжность такой защиты поддавалась исследованию. Гораздо труднее было судить о том, как человек распорядится предоставленной возможностью.

Прибор не определял, кому следует доверять. Не делал намерения владельца справедливыми. Им могли с одинаковым успехом пользоваться люди, чьи цели исключали друг друга.

Я знал это и прежде. Роман заставил меня задержаться на том, что в профессиональной работе обычно оставалось за пределами технического задания.

В судьбе Аурелиано меня занимало изменение самого человека. Войны не просто следовали одна за другой: они отдаляли его от людей и от прежних побуждений. Умение повелевать не спасало от одиночества. Власть, которой он обладал, не давала ответа на вопрос, что делать с собственной жизнью.

До этого мне было проще думать о свободе как о возможности устранить помеху. Но устранённая помеха ещё не объясняет, куда идти дальше. Освободившись от чужого приказа,

человек может начать ждать собственного подчинения от других — и искренне считать это необходимым.

Такие мысли не были содержанием одного разговора за чашкой шоколада. Они приходили позднее, когда я перечитывал роман и пытался понять, почему он продолжает меня занимать.

В тот вечер я хотел узнать прежде всего, кто и что мог скрывать.

Разговор вернулся к иезуитам. По моему воспоминанию, Маркес говорил о тайне приготовления и о знаниях, которые передавались в ограниченном кругу.

Я спросил, от кого их скрывали.

— От всех.

Ответ был достаточно коротким, чтобы я его понял, и достаточно широким, чтобы почти ничего не объяснить.

Теперь мне нетрудно перечислить вопросы, которые следовало задать. О каком времени шла речь? Где сохранились записи? Что именно было известно одним и недоступно другим? Тогда я не сумел выстроить их в нужном порядке. Беседа двигалась быстрее, чем я успевал разбираться в услышанном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.